

Международные координаты иберийской идентичности

Кирилл Федоров

Современные процессы глобализации размывают идентичность национальных государств и побуждают их к поиску путей и методов противостояния универсалистским тенденциям. В этом смысле характерна стратегия иберийских государств, утверждающих себя в новом формате на пространстве своих бывших исторических империй.

Связи Испании и Португалии со своими бывшими колониями различны по форме и содержанию. В то же время системообразующими коммуникациями являются иберийская история, культура, испанский и португальский языки. В этом контексте Испания и Португалия претендуют на то, чтобы идентифицировать себя не только как “внутриевропейские” страны¹.

Основанием для таких претензий, по их мнению, являются, при всех негативных издержках их имперской политики, такие факты:

- в прошлом Испании и Португалии принадлежало более половины мира;
- Испания и Португалия были первыми европейскими государствами не только начавшими масштабную колонизацию мира, но и одновременно осуществлявшими миссионерскую и культуртрегерскую деятельность за пределами Европы, экспортируя европейские ценности и знания;
- наконец, только иберийские языки по численности населения, считающего их родными, имеют абсолютное первенство среди европейских языков.

Более того, латиноамериканская иммиграция в США и Канаду, а также испанская и латиноамериканская иммиграция в Европу ведут к тому, что, как считают специалисты, “... через некоторое время весь мир поймет, что глобализация – испанское слово”².

ФЕДОРОВ Кирилл Сергеевич – глава компании “*United Catering*”, окончил МГИМО(У) МИД России.

Ключевые слова: лингвокультурная интеграция, европейская периферийность, национальная идентичность иберийских стран, Средиземноморское региональное пространство, международные координаты иберийской идентичности.

Все это является важным фактором для самоидентификации испанской и португальской наций. Причем, если для Испании и Португалии бывшие колонии в Новом свете – это их великое прошлое, то для Латинской Америки ее колониальное прошлое есть европейская составляющая национальной идентичности.

Лингвокультурная экспансия Испании и Португалии

Испания и Португалия по праву рассматривают пространство испано- и португалоговорящих стран и народов Латинской Америки естественным продолжением их национальной культуры. Поэтому через интенсификацию своих отношений с испано- и португалоязычными странами иберийские государства стремятся преодолеть комплексы своей вчерашней европейской периферийности и повысить свой авторитет в Европе и в мировом сообществе. С другой стороны, Испания и Португалия, как европейские страны, претендуют на право считаться связующим звеном между Европейским союзом и странами и регионами, которые в прошлом являлись частью их империй. Это “право” реализуется ими также в рамках некоторых программ ЕС.

Следует также отметить, что потеря Испанией своих латиноамериканских владений после поражения в войне с США (1898 г.) и постоянно присутствующие в Испании и латиноамериканских обществах антиамериканские настроения способствовали взаимному психологическому и идеологическому сближению Испании и латиноамериканских стран на основе общности языка и культуры, а также преодолению постколониальных комплексов.

Как известно, свою лингвокультурологическую политику Испания осуществляет через институт Сервантеса, а Португалия – через Сообщество Португалоязычных стран (созданы соответственно в 1991 г. и в 1996 г.)³.

В настоящее время эти институты действуют в Латинской и Северной Америке, Африке и АТР.

Преимуществом на иберийском языковом пространстве обладает Испания: не только абсолютное число стран Латинской Америки говорит на испанском (кастильском) языке, но и неуклонно растет число жителей США, говорящих на нем. Этот факт дает Испании основание называться не “одной страной, не даже одной огромной страной”, а миром (!)¹.

По мнению исследователей, страны и народы Латинской Америки вместе с языком приняли мировоззрение и философию испанской культуры².

Ибо “язык есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но и аккумуляции знаний культуры. Будучи сложной знаковой системой, язык может быть средством передачи, хранения, использования и преобразования информации”⁴.

Соответственно, испанский язык оказал влияние на общие стилистические и культурологические контуры латиноамериканской литературы и в чем-то на образ мышления.

Таким образом, можно сделать вывод, что вклад испанской словесности в мировую культуру сопоставим с влиянием на нее английской, французской и русской литературы и словесности.

По примеру ряда европейских государств, давно использующих языковые культурологические программы для сохранения и усиления присутствия в своих бывших колониях и в мире в целом, иберийские страны проводят подобную политику по отношению к государствам Латинской Америки.

Интерес Испании к испаноговорящим странам Латинской Америки абсолютно естественен исторически, но

здесь также просматривается своеобразный геополитический вызов их северному соседу. Общая языковая, культурная и историческая основа дает возможность Испании использовать Иберо-Американские саммиты не только в экономических целях. Эти встречи способствуют самоутверждению страны в международной политике.

Португалия не могла отстать от Испании.

Дух исторического регионального соперничества побуждает ее принять активное участие в создании Сообщества Португалоязычных Стран (СПЯС). Основным направлением деятельности Португалии в Сообществе является культурное и образовательное, экономическое и внешнеполитическое сотрудничество. Главная задача заключается в согласовании общей позиции государств Сообщества.

Это касается, например, их сотрудничества с такими региональными организациями, как МЕРКОСУР, ЕС, Сообщество Государств Западной Африки и др.

Вступление Португалии в ЕС повысило ее привлекательность для португалоязычных стран Африки. Для них открылись новые перспективы сотрудничества, поскольку Португалия должна всегда быть внимательным и заинтересованным посредником в отношениях Анголы, Гвинеи-Бисау... и европейских партнеров, которые могли бы успешно помогать друг другу, в том числе и в рамках договоров Европейского союза и МЕРКОСУР⁵.

Необходимо напомнить о том, что борьба Португалии за сохранение своих владений в Африке носила длительный и жесткий характер. Тем не менее, в некоторых странах и после ухода португальской администрации остались и продолжали работать португальские частные компании и специалисты, то есть восстановление активных связей имело уже определенную базу.

Кроме того, в этом были заинтересованы власти этих стран.

Наряду с решением экономических задач португальское правительство стремится использовать СПЯС для сохранения присутствия португальского языка в мировом лингвокультурном пространстве как способа утверждения своей исторической великодержавной идентичности. Но сам факт существования СПЯС не мог автоматически гарантировать преимущество бывшей метрополии.

Проблемы возникали именно в самом процессе лингвокультурной интеграции, которой препятствовало существование расовых барьеров. Португальцы относятся к выходцам из бывших своих африканских колоний с чувством превосходства, а появление африканцев на рынке труда Португалии вызывает рост недовольства населения. Отношения страны с ее бывшими колониями еще больше ухудшились после того, как Португалия подписала Шенгенское соглашение, что привело к ограничению въезда в шенгенскую зону иммигрантов из бывших африканских колоний.

Собственно говоря, при создании Сообщества Португалия, прежде всего, преследовала политическую цель – сохранить свое присутствие в бывших колониях, а также использовать их природные богатства. Однако Лиссабон не располагал материальными и интеллектуальными ресурсами для реализации масштабной языковой программы, подобной той, что проводили Франция и даже соседняя Испания⁶. Не хватало Португалии и достаточного международного цивилизационного авторитета, в этом она также уступала Испании и Франции.

По мнению западных исследователей, “создание Сообщества воплощает в себе мечту португальцев, начиная с имперской ностальгии и заканчивая враж-

дебным отношением к европейскому капитализму: это демократизованная версия лузотропикализма”. Создание СПЯС под эгидой Португалии помогало поддерживать ощущение ее исторической национальной идентичности, иллюзию сохранения Империи (!)⁷.

В результате создания Сообщества внешнеполитический авторитет Португалии заметно возрос, что вывело страну на другой уровень дипломатических контактов, а это придает ее действиям на международной арене больше уверенности.

С другой стороны, претензии Бразилии на роль большой региональной державы в Латинской Америке и на самостоятельность в отношении португалоязычных стран Африки, ее успехи в

экономическом развитии создавали для Португалии неоднозначную ситуацию. К этому необходимо добавить сохраняющееся у португальцев и бразильцев историческое негативное восприятие друг друга⁸.

Тем не менее, можно говорить о том, что во внешнем пространстве португальской идентичности имеется два основных вектора: Европейский союз и Сообщество Португалоязычных Стран. Эти параллельные направления помогают Португалии одновременно поддерживать экономическую стабильность и политический баланс, а также утверждать свою идентичность на международной арене, на Пиренейском полуострове и мировом иберийском языковом пространстве.

Средиземноморская составляющая внешней политики пиренейских нацио-государств

Говоря о внешнем пространстве иберийской идентичности, не следует ограничиваться только миром языка. В ее системе координат важное место занимает Средиземноморье: до начала европеизации иберийских народов Испания и Португалия целиком принадлежали средиземноморской цивилизации. Средиземноморское региональное пространство явилось местом рождения иберийской культуры, ставшей первоосновой испанской и португальской наций. Впоследствии интересы Испании и Португалии были обращены на мировой океан, на открытие и колонизацию новых земель. Но именно Средиземное море направило иберийские народы в мировой океан.

Испания активизировала свою внешнеполитическую деятельность в Средиземноморье после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.).

Так, уже на очередном форуме СБСЕ (Белград, 1977 г.) испанская де-

легация высказалась за поэтапный вывод из бассейна Средиземного моря всех флотов несредиземноморских стран, а также за контроль в этом районе над их военными маневрами в воздухе, на воде и суше⁹.

Поддержав советские мирные инициативы, выдвинутые в Белграде, а также на конференции в Ла-Валетте (март 1979 г.), испанские официальные представители выступили за переговоры по сокращению воздушных и морских сил в регионе. В качестве первого шага в этом направлении они предложили “заморозить” эти виды вооруженных сил на существующем уровне, а в дальнейшем разработать “систему безопасности” для региона при участии всех средиземноморских стран и с учетом их интересов. Особый упор в испанских предложениях делался на недопущение распространения ядерного оружия в этом районе и на выработку условий сосуществования прибрежных государств.

По мнению Мадрида, с началом разрядки в Европе "конфронтация переместилась из Центральной Европы, где положение достаточно стабильно, в район Средиземноморья, где имеется опасная и скрытая напряженность"⁹.

О новой средиземноморской политике Испании в своей речи (Страсбург, 1979 г.) заявил премьер-министр страны А.Суарес.

В частности, он подтвердил, что "Испания не представляет себе Европу без ее средиземноморского измерения, без развития европейской средиземноморской политики"¹⁰.

В этом выступлении были сформулированы основы этой политики: разрядка напряженности и мирное сосуществование, сотрудничество между прибрежными странами.

Для реализации этих целей были обозначены следующие задачи: интенсификация всех действий, направленных на благо общих интересов, борьба против загрязнения окружающей среды, контакты на личном уровне, установление норм использования морских богатств, сотрудничество с целью ликвидации экономического неравенства, существующего сегодня между странами Северного и Южного побережья, прежде всего в области сырья, промышленных товаров, туризма, торгового обмена; создание дополнительной системы безопасности прибрежных государств¹¹.

В дальнейшем именно с названных позиций Испания неоднократно выступала на различных международных форумах, в частности на конференциях средиземноморских стран в Барселоне (1976 г.), в Афинах (1978 г.), на Мальте (1979 г.), выдвигая идею единения прибрежных стран, создания некоей средиземноморской общности с целью усиления доверия между ними.

Наконец Испания поддержала инициативу Франции созвать конференцию для обсуждения проблем Средиземноморья.

Актуализация средиземноморской составляющей Испания происходила в связи с ее намерениями вступить в ЕЭС.

В 80-е – 90-е годы в Средиземноморском регионе начались интеграционные процессы, активным участником которых была Испания. Европу привлекали потребительские и энергоресурсные рынки стран южного Средиземноморья. Однако именно из этих стран шли вызовы и угрозы европейской безопасности, в частности, межэтнические и межрелигиозные конфликты, исламский экстремизм, нелегальная иммиграция, терроризм, наркотики¹².

По мнению зарубежных и отечественных исследователей, геополитическая ситуация в регионе Средиземноморья после окончания холодной войны характеризовалась следующим:

- началась перестройка системы международных отношений, построенной в значительной степени на двухполюсном балансе сил;

- усилилась внутренняя конфликтность и нестабильность в ряде исламских и балканских стран региона;

- началась своего рода конкуренция между странами Средиземноморья и странами Центральной и Восточной Европой (ЦВЕ) за получение масштабной западной помощи и поддержки, что затрудняло экономический диалог ЕС с арабскими странами региона;

- выросла миграция населения из "третьих" стран региона в ЕС, в частности и потому, что их надежды на скорую экономическую помощь Европы не оправдывались;

- изменилась роль Турции, которая перестала быть только лишь юго-восточным флангом НАТО в холодной войне, а стала претендовать и на статус региональной державы. Внешнеполитическая линия Турции теперь направлена на проникновение в Восточное Средиземноморье и на Балканы.

Примером могут служить позиция Анкары в Югославском конфликте и рост ее влияния в мусульманских анклавах Балкан, военные соглашения Турции с Болгарией и Албанией, создание исламской “восьмерки” (D-8) по образцу “большой восьмерки” G-8 и пр.;

– относительно упрочились связи между Югом Западной Европы и ее Центром, а также были практически устранены расхождения во взглядах на средиземноморскую политику между Европой и США;

– возросло значение энергетической проблемы для европейских государств, а для южных и юго-восточных средиземноморских стран – проблемы воды;

– обострилась демографическая проблема, вызванная ростом населения в арабских странах региона;

– усилились такие факторы, как исламский интеграллизм и исламский идеологический радикализм;

– в арабских странах усиливается гонка вооружений и распространяются военные и двойные технологии;

– внутри арабского мира растет дисбаланс их национальных экономик¹³.

В декабре 1990 г. Совет ЕЭС принял рамочное решение о проведении так называемой новой средиземноморской политики более высокого уровня, предусматривающей не только сотрудничество, но и партнерство с “третьими средиземноморскими странами”.

Активизации средиземноморской политики ЕЭС способствовала и деятельность новых членов Сообщества – Греции, Испании и Португалии, для которых средиземноморские проблемы были не декларациями политиков, а реальной повседневностью¹⁴.

Особое внимание обращает на себя средиземноморская политика Испании. Прежде всего Испания предпринимает усилия для налаживания связей со своими ближайшими соседями – странами

Магриба. Мадрид вместе с Парижем сотрудничают в создании военной структуры Западного Средиземноморья и для этого поддерживают контакты с умеренными арабскими странами региона. В 1991 г. Мадрид стал организатором Конференции по Ближнему Востоку.

Испания инициировала в Евросоюзе ряд обсуждений, в частности, по координации политики ЕС и США в средиземноморском регионе.

Это было вызвано тем, что ЕС и США опираются на разные стратегии и тактики. Вашингтон рассматривает Средиземноморье как беспокойный коридор, связывающий Америку с Израилем и нефтяными государствами Персидского залива, поэтому политика американцев сводится, прежде всего, к геостратегии и тактике силового умиротворения.

Подход же европейцев основан на том факте, что страны Средиземноморья непосредственно примыкают к их южным границам, следовательно, необходимо развивать с ними добрососедские отношения и взаимовыгодное сотрудничество. Кроме того, Европа исторически является главным финансовым “донором” региона¹⁵.

А в 1995 г. в период председательства Испании в ЕС в Барселоне была проведена первая Евросредиземноморская конференция, на которой была выработана и принята Декларация. В ней говорилось о намерении создать в Средиземноморье “общее пространство мира и стабильности”.

Ключевым моментом средиземноморской политики Испании исторически являлись отношения с арабскими странами вообще и скорейшее урегулирование ближневосточной проблемы, в частности. Стоит напомнить, что в позднеантичное время часть еврейских изгнанников оказалась на Пиренейском полуострове и их культура и дея-

тельность стали составной частью иберийской истории¹⁶. Внимание Испании к указанной проблеме объясняется также зависимостью испанского государства от сырьевых энергоносителей арабских стран.

Отношения Испании с арабскими государствами осложнялись по разным причинам исторического и ситуационного характера. Тем не менее, в целом Испании удавалось сохранять исторические связи со странами юга и востока

Единство позиций и противоречия в отношениях иберийских стран с США

Особым внешним ориентиром Испании и Португалии являются Соединенные Штаты Америки.

Образ Америки в сознании испанцев и португальцев противоречив. Конечно, иберийские народы гордятся тем, что именно благодаря их открытиям на карте мира появились собственно Соединенные Штаты и их наименование. Но они помнят и то, что США вытеснили Испанию и Португалию из их бывших заокеанских провинций и установили контроль над латиноамериканскими государствами, добились отказа Испании от претензий на Кубу, Пуэрто-Рико, владений в Вест-Индии и о-в Гуам, а также Филиппинский архипелага после ее поражения в испаноамериканской войне 1898 г., наконец, стали претендовать на то, чтобы олицетворять собой две Америки и объединить их под своим началом¹⁷.

Со времени провозглашения доктрины Монро (1823 г.), как признает сам Г.Киссинджер, "США полагали, что они играют особую роль в западном полушарии", но "Латинская Америка ... далеко не всегда была согласна с трактовкой Соединенными Штатами" их принципов панамериканизма¹⁸.

Испания и Португалия не могли спокойно отнестись к политике их вытеснения из собственных заморских

Средиземноморья. Если же говорить о Португалии, то ее присутствие в этом регионе ограничивается поддержкой инициатив Европейского союза, но в этом плане она не может конкурировать с такими южноевропейскими странами, как Франция, Италия и Испания. Кроме того, как уже отмечалось, Лиссабон всегда был больше озабочен сохранением своего присутствия в африканских португалоязычных странах.

территорий. Наступательный характер внешней политики Вашингтона в Новом Свете способствовал возникновению антиамериканских настроений в иберийских обществах.

Однако авторитет США, как великой державы и победителя во Второй мировой войне, был практически абсолютен в мировой политике¹⁹, и с этим нельзя было не считаться любой европейской стране. Более того, США стали фактором консолидации государств Запада, оказав им мощную поддержку для решения общих проблем послевоенного восстановления, развития и безопасности. Соответственно, Испания и Португалия не могли не отреагировать на эти действия Вашингтона и стали развивать связи с США, руководствуясь также и своими интересами.

Франко берет курс на сближение с США уже в конце Второй мировой войны. Первоначально это было реакцией на ход войны и попыткой реабилитировать себя как перед заокеанской державой, так и перед Францией и Великобританией за близость к германо-итальянскому блоку. После окончания Второй мировой войны Мадрид стал рассматривать развитие связей с Вашингтоном в качестве первого шага для выхода из самоизоляции и условия

для последующих шагов по “возвращении” в Европу²⁰.

После начала холодной войны Франко рассчитывал на прием в НАТО, но этого не произошло, хотя антикоммунистические и антисоветские взгляды Франко были хорошо известны в США.

Тем не менее, оба государства установили контакты друг с другом. В декабре 1950 г. начались испано-американские переговоры на предмет заключения военного договора, который предполагал взаимные обязательства, аналогичные статьям Североатлантического договора.

Подписание испано-американского соглашения 1953 г., дало испанскому режиму возможность получить от Вашингтона экономическую и военную помощь на укрепление экономической базы военного сотрудничества.

Впоследствии отношения Испании с США развивались и углублялись, что нашло свое выражение в различных договорах и соглашениях²¹.

Однако, по мнению исследователей, эти отношения складывались неоднозначно.

Зачастую “ни одна из сторон не могла удовлетворить свои запросы”²², хотя США, как сверхдержава, могли навязать и навязывали свое понимание формулы испано-американских отношений. Испания же всегда стремилась отстаивать свои интересы и рассматривала достижение компромисса с Вашингтоном как проявление своей политической самостоятельности и как способ улучшить имидж Испании в мире, особенно в регионах ее исторического присутствия – в Европе, Средиземноморье и Латинской Америке.

Например, Мадриду удалось добиться, чтобы в совместной испано-американской декларации (1963 г.) по случаю продления соглашения от 1953 г. об американских военных базах в Испании говорилось, что правительство США подтверждает важность Испании для безопасности, благосостояния и развития атлантического и средиземноморского регионов.

В 1968 г. Испания выступила с инициативой вывода американского военно-морского и советского флотов из Средиземного моря. Понятно, что эта инициатива не была реализована и не могла быть реализована в принципе. А в 1973 г. Испания запретила использовать испанские базы в арабо-израильской войне. Порой Мадрид был не прочь спровоцировать всплеск антиамериканских настроений, чтобы продемонстрировать миру свою независимость и одновременно оказать нажим на Вашингтон. После окончания холодной войны проявление самостоятельности Испании по внешнеполитическим вопросам было вполне естественным для страны-члена ЕС.

Развивая исторические и культурные связи со странами Латинской Америки, Испания особо заботилась о своем имидже проводника европейской политики в этом регионе, поэтому в ряде случаев могла проигнорировать недовольство Вашингтона.

Наиболее ярким примером такой политики явился тот факт, что Мадрид сохранил нормальные дипломатические и экономические отношения с Кубой, и это несмотря на американскую блокаду острова.

Испания поддерживает отношения и с Венесуэлой, проводящей антиамериканскую политику, и тем самым, как бы берет своеобразный “реванш” за прошлое.

Следует напомнить, что наряду с Мексикой Венесуэла и Куба стали теми объектами южной политики США, с которых в XIX в. они начали свое проникновение в Латинскую Америку, вытесняя Великобританию и Испанию и другие европейские государства под лозунгом борьбы с европейскими колониальными империями¹⁷.

Теперь, в начале XXI в., Испания, став в ряд развитых европейских демократий, выступала уже в роли актора, претендовавшего на противодействие имперской политике США в Ла-

тинской Америке. И Латинская Америка согласна была принять новое качество своей бывшей метрополией. Все это поднимало Испанию в собственных глазах и глазах европейских соседей – государств-членов ЕС.

Кроме того, для разъяснения своих внешнеполитических позиций Мадрид использует лобби из среды испаноязычных граждан США. Испаноговорящая составляющая американской нации стабильно увеличивается с 1965 г., когда правительство США приняло Иммиграционный акт, открывший ворота для очередной волны переселенцев.

В США хлынул поток их ближайших соседей – иммигрантов из стран Латинской Америки. Англоязычная Америка не смогла ассимилировать новых иммигрантов.

“По результатам переписи населения в 2000 г. 35 млн. чел. определили себя как американцы испанского происхождения”²².

Американский штат Калифорния уже считается особым испаноязычным штатом подобно франкоязычному Квебеку в Канаде. Предполагается, что к 2050 г. число испаноязычных достигнет 100 млн. чел., что составит 33% населения США.

Правительство вынуждено идти “на действия и шаги, направленные на удовлетворение запросов отдельных этнических групп в США”²³.

Все эти факты дают дополнительные основания для более уверенной и активной позиции Мадрида в испано-американских отношениях.

Например, испанское правительство предпринимает действия по поддержке испанского языка и культуры в США как одной из составляющих коммуникации в испано-американских и испано-диаспоральных отношениях.

Вступление Испании в НАТО и ЕС, утверждение ее в качестве полноценного европейского государства в целом не изменили ее отношения с США, которые по-прежнему занимали важное место в ее внешней политике. Но те-

перь позиция Мадрида должна была соответствовать общей внешней политике Евросоюза и настроениям, которые существуют в европейском парламенте. При этом в самом испанском парламенте вступление в НАТО рассматривали в качестве способа коррекции асимметричных отношений с США, так как концепция альянса предполагала принятие решений на основе консенсуса. В выравнивании своих отношений с США Испании могла рассчитывать уже на поддержку европейских государств-партнеров по НАТО и ЕС.

В критике Мадридом американской позиции по Киотскому протоколу, иранской ядерной программе и другим аспектам американской внешней политики явно прослеживается поддержка со стороны Германии и Франции.

Мадрид также не поддерживал антикубинскую политику Америки.

Решение правительства Хосе Луиса Сапатеро вывести воинские подразделения Испании из Ирака, его отказ признать независимость Косово могли послужить примером и другим европейским государствам, что явно раздражало Вашингтон.

Все эти действия правительства Сапатеро привели к охлаждению в отношениях двух стран, а на личностном уровне – даже к взаимному игнорированию между Дж.Бушем и Сапатеро.

По свидетельству испанского журналиста Хуана Хобо, еще, будучи главой оппозиции, Сапатеро во время военного парада в Мадриде (2003 г.) отказался встать перед американским флагом, когда перед трибунами проходило американское подразделение НАТО. Эти события происходили в период, когда в Испании проходили демонстрации протеста против вторжения американской армии в Ирак. Действия Вашингтона Сапатеро назвал аморальными и “противоречащими международному праву”²⁴.

За время президентства Дж.Буша у премьера Сапатеро так и не было с ним каких-либо официальных и рабочих контактов.

Португалия же стала членом НАТО значительно раньше Испании. Более того, она явилась соучредителем альянса. Политический режим Салазара рассчитывал, что находясь в евроатлантическом сообществе, он сможет, используя его составляющие, балансировать между американской экспансией и европейской демократией и одновременно получать выгоды от развития сотрудничества с США и Западной Европой²⁵. Кроме того, ожидалось, что Вашингтон окажет помощь при вступлении Португалии в ООН и решении проблемы “заморских” территорий, где усиливались национально-освободительные движения. Надежды отчасти оправдались.

Так, США поддержали заявку Лиссабона на вступление в ООН и встали на сторону режима Салазара в его борьбе с национально-освободительными движениями в португальских колониях в Африке, хотя общественность в самой Португалии и в Европе резко осуждала действия португальских властей.

Впоследствии Вашингтон становится посредником в контактах Португалии с национально-освободительными движениями.

Но португальский режим, используя заинтересованность Вашингтона в сохранении своих военных баз на территории Португалии, не торопился с признанием независимости своих колоний, хотя уже и Вашингтон стал пересматривать свою позицию по отношению к освободительным движениям в португальских колониях.

Таким образом, можно констатировать, что международные координаты и внешнеполитические векторы иберийских государств во многом определяются ценностными традиционными установками культурологического и исторического характера и прежним опытом международного общения, учет которых способствовал их самоутверждению.

Процессы модернизации иберийских стран стимулируют их внешнеполитическую активность, способствуют выходу из изоляции и самоизоляции и реализации себя во внешнем пространстве в качестве вполне современных европейских государств.

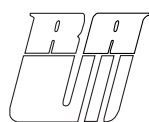
При всех особенностях отношений Испании и Португалии с США они развивались в общем контексте европейско-американских отношений. В отношениях Испании и Португалии с Вашингтоном проявляются все те же противоречия, которые существуют во внутриевропейских (центр – периферия) и американо-европейских отношениях. Не могла не повлиять на них начавшаяся после Второй мировой войны конфронтация США и СССР, Запада и СССР. Испания была заинтересована в экономической поддержке Вашингтона в рамках плана Маршала. Реализация этого плана упрочила позиции Мадрида в его европейской и средиземноморской политике и давала надежду на то, что Испания не отстанет от тех стран Южной Европы, в том числе от Португалии, которые уже получили помощь от Вашингтона.

Следует также отметить, что послевоенная политика ориентации Испании и Португалии на США вполне сравнима с современной политикой ряда государств Центральной и Восточной Европы, которые после окончания Второй мировой войны были готовы также присоединиться к плану Маршала, а после окончания холодной войны с помощью США стали форсировать свое вступление в НАТО. А вступление Испании в эту организацию (1982 г.) явилось предтечей вступления в альянс стран восточной периферии Европы.

Примечания

¹ *Marias J.* La Espana Real. Madrid. Espasa. 2000. P. 649–651, 610, 617.

- ² Франклин Д. Возвращение конкистадоров. Мир в 2000 году. М.: Эксперт, 2000. С. 6.
- ³ Rodríguez Lafuente F. El idioma español en Asia // *Economía Exterior*. 2000.15.11. P. 85–87.
- ⁴ Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997. С. 12.
- ⁵ Cavaco Silva A. Construir a modernidade. Lisboa. Casa de Moeda. 1989. P. 148, 156.
- ⁶ Семенов С.Г. Генезис и эволюция франкофонии как феномена международных отношений в контексте современного политического пространства // *Дипломатия и культура*. М., 2003.
- ⁷ Osorio L. Entrevista com Eduardo Lourenco: Seculo de prodigios // *Jornal de Noticias*. Lisboa. 2001.10.06.
- ⁸ Moreira A. Reflexoes sobre a comunidade luso-brasileira. Academia internacional da cultura portuguesa. Boletim 20. Lisboa, 1993. P. 16.
- ⁹ El Pais. 1979.18.10; 1979.18.08.
- ¹⁰ Цит. по: Современная Испания. М., 1982. С. 281, 282.
- ¹¹ Revista de politica intemacional. 1979. № 161. P. 176.
- ¹² Ватульян Ф.В. Проблемы современной европейской безопасности и страны Средиземноморья // *Многоликая Европа: пути развития*. М., 2002. С. 202, 204–205.
- ¹³ Шатиоров С., Павленко В. Новый раунд большой геополитической игры: Средиземноморье, далее везде... // *Обозреватель–Observer*. 2008. № 9.
- ¹⁴ Пескова Л.В. Международные организации в Средиземноморье // *Россия, Средиземноморье, Южная Европа*. М., 1995. С. 262 – 263.
- ¹⁵ Política Exterior. Madrid. 1996. № 47.
- ¹⁶ Сарайва Ж.Э. История Португалии. Пер. с порт. М., 2007. С. 63–66.
- ¹⁷ Кравченко И.Н. Дипломатическая история США (1877–1919). М., 2002. С. 45–48, 157–180, 52–61.
- ¹⁸ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика. М., 2002. С. 80.
- ¹⁹ Lundestad G. East, West, Nord, South. Major Developments in International Politics. 1945–1996 / Scandinavian University Press. 1999. P. 5–6.
- ²⁰ Пожарская С.П. Испания и США. Внешняя политика и общество. М., 1982.
- ²¹ Орлов А.А. Испания в системе военно-политических организаций и союзов Запада: обретение “нового лица”. М., 2000. С. 47, 48.
- ²² Лозанский Э.Д. Этнос и лоббизм в США. М., 2004. С. 36, 41.
- ²³ American National Interests. A Report from the Commission on America’s National Interests. Cambridge, Harvard University Press, 1996. P. 1.
- ²⁴ Кобо Х. Сапатеро между Обамой и Маккейном // *НГ Дипкурьер*. 2008.13.10.
- ²⁵ Antunes J.F. Os americanos e Portygal. Lisboa. 1986. P. 33–34.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru